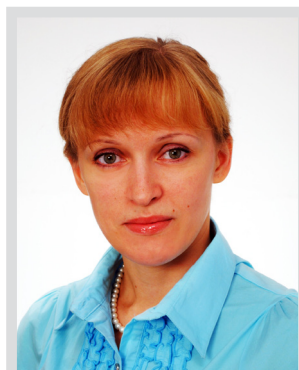

УДК 316.7

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-313-317

Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки**Савельева Ж.В.**

доктор социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Литвинова А.В.

Ассистент кафедры государственного управления,
истории, социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

В российском обществе на научно-теоретическом и практическом уровне актуализируются вопросы отложенного взросления современной молодежи, которые имеют разнообразные последствия. С целью прояснения отношения к взрослой жизни и выявления характеристик маркеров идеально-типических моделей взросления было проведено исследование студенческой молодежи г. Казани методом анкетирования. Результаты работы имеют научно-практическую ценность в связи с возможностью использования маркеров для профилактики социального инфантилизма. Установлено, что несмотря на тревоги по поводу взросления, большинство опрошенных студентов видят взрослую жизнь привлекательной; сепарация, образование, трудоустройство наличествуют в ответах студентов как маркеры взрослости. Признаки отложенного взросления связаны с семейно-брачными характеристиками и приоритетом заботы о себе.

Ключевые слова: *взрослость, формирующаяся взрослость, маркеры взросления, студенческая молодежь, массовый опрос*

Для цитирования: *Савельева Ж.В., Литвинова А.В. Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 313–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-313-317.*

С начала 2000-х гг. в социологической дискуссии и общественно-политической риторике стала обсуждаться повестка, связанная с тенденциями продления детства, молодости и откладывания освоения взрослых ролей, выбора взрослых сценариев жизненного пути. Как отмечают исследователи, удлинение периода юности и возникновение феномена отложенного взросления связано с социальными трансформациями и разнообразными факторами

социокультурного, экономического, политического, психологического порядка [1–7].

На основе аналитического обзора имеющейся научной литературы и серии фокус-групповых интервью с представителями молодежи, при всем разнообразии подходов и интерпретаций, на наш взгляд, можно выделить базовые критерии взрослости, индикатирующие завершение перехода от юности к взрослости: планирование будущей жиз-

ни, отдельное проживание и самостоятельность в принятии решений, получение образования и трудоустройство, вступление в брак и рождение детей, условная замена развлечений на саморазвитие, рационализация жизни и отход от сиюминутных, импульсивных желаний, смена траектории заботы о себе на социальную ответственность и гражданскую активность.

С одной стороны, длительно становящаяся или формирующаяся взрослость (*emerging adulthood*) когерентна процессам повышения продолжительности жизни и изменениям в социально-экономической сфере (потребность в непрерывном образовании, гибкость и нестабильность рынка труда), в политическом поле (развитая социальная политика), обусловлена личностными факторами более высокой рефлексии по поводу ответственности и собственного психологического статуса и прочими причинами. С другой стороны, все чаще в научной среде и публичной сфере поднимаются проблемы молодежи, связанные с ее инфантилизмом, гедонизмом, нарциссизмом, отсутствием навыков самостоятельной жизни, с нежеланием трудиться и заводить семью и детей. Так, согласно исследованию Федеральной службы государственной статистики России, возраст первого брака в России для мужчин увеличился с 23 лет в 2012 г. до 25,4 лет в 2025 г., для женщин – с 22 в 2012 г. до 23,2 в 2025 г. Кроме того, средний возраст рождения первого ребенка также вырос – с 24 лет в 1990 г. до 26 лет в 2025 г. и в крупных городах этот показатель значительно выше [8].

В ракурсе указанных рисков, вопросы о том, каким образом студенческая молодежь оценивает взрослую жизнь и ее компоненты в контексте возрастной периодизации, являются актуальной задачей социологического исследования. Кроме того, важным исследовательским вектором выступает выявление взаимосвязей данных оценок молодежи с социально-демографическими характеристиками ее представителей.

В связи с этим в 2024 г. в Казани был проведен анкетный опрос среди молодежи в возрасте от 18 до 27 лет ($N = 804$) по квотной выборке с контролем признаков пола и возраста. В составе выборки было 58 % студентов социально-гуманитарного профиля, 30,8 % – инженерного и IT, 10,2 % – естественно-научного. 80,3 % опрошенных обучались по программам бакалавриата, специалитета, 10,9 % – по программам магистратуры, 2 % – аспиранты, 3,6 % – обучающиеся в СПО. Полученный массив был подвергнут частотному анализу, для выявления взаимосвязей использовался статистический критерий χ^2 Пирсона. Данные обрабатывались в статистической программе SPSS.

В ходе операционализации концепта взрослости в анкетном опросе были сфор-

мулированы группы вопросов, в связи с чем результаты исследования будут описаны по блокам. Первый блок включал общие вопросы о взрослой жизни. 22,6 % назвали жизнь взрослого человека привлекательной, 42,8 % – скорее привлекательной, 18,8 % указали, что она скорее непривлекательна, 6,7 % выбрали вариант «непривлекательна», что может говорить об отсутствии заинтересованности во взрослении каждого четвертого представителя студенческой молодежи. Большой инфантилизм по данному вопросу проявляют девушки (рис. 1), что, возможно, отчасти может объясняться социокультурными канонами феминности / маскулинности: одним предписывается быть более осторожными и дозволяется быть капризными, другим – предписывается быть решительными, уверенными, первыми. Также отметим, что некоторые авторы отдельно выделяют инфантильную феминность, характеризующуюся отсутствием ценности семьи и материнства.

Около половины опрошенных выразили тревогу по поводу наступления взрослой жизни, выбрав ответы «да» (17 %) и «скорее да» (32,7 %). Чуть меньше половины респондентов не тревожатся по поводу взросления: вариант «нет» указало 17,2 % студентов, «скорее нет» – 28,2 %. В ходе статанализа была выявлена связь ответов на данный вопрос с направлением обучения и религиозностью. Студенты социально-гуманитарного профиля чаще высказывались о тревогах по поводу взрослой жизни (рис. 2). Среди верующих студентов тревожность была ниже (13,8 %) по сравнению с неверующими (22,1 %).

Важным критерием взросления выступает формирование четких жизненных стратегий, планов на

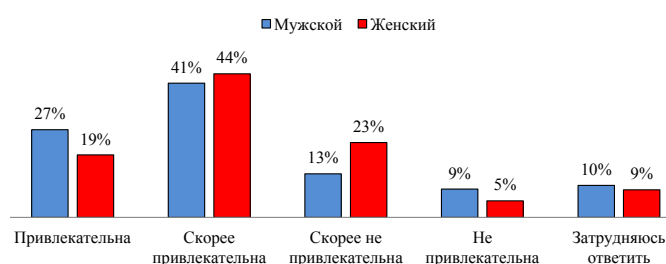

Рис. 1. Двумерное распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению жизнь взрослого человека...» по полу, %

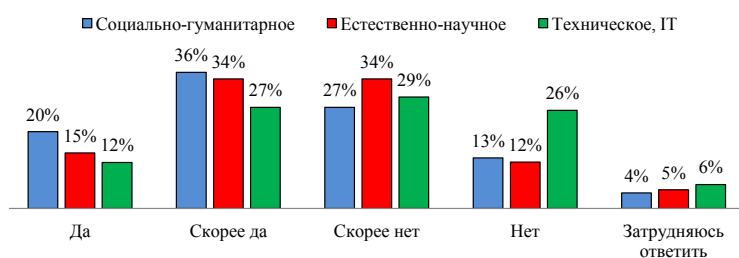

Рис. 2. Двумерное распределение ответов на вопрос: «Вызывает ли у Вас тревогу наступающая взрослая жизнь?» по направлению, %

будущее. О наличии таких планов высказалось около 70 % опрошенных («да» выбрали 32,3 %, «скорее да» – 37,7 %). Не имеют четких жизненных планов 7,6 % опрошенных студентов, 18,7 % выбрали вариант «скорее нет», 3,7 % затруднились ответить. Распределение ответов на данный вопрос имело взаимосвязи сразу с несколькими социально-демографическими характеристиками респондентов: чаще четкие планы имеют респонденты мужского пола, инженерных и естественно-научных направлений обучения, верующие, а также студенты старшей возрастной подгруппы. Так, среди обучающихся 23–27 лет положительный ответ дали 39,8 %, а среди студентов 18–22 лет лишь 29,7 %, что, очевидно, связано с процессами взросления (рис. 3).

Второй блок вопросов о «подходящем возрасте» был нацелен на соотнесение маркеров взрослости, таких как отдельное от родителей проживание, первое трудоустройство, получение образования, вступление в брак и рождение первого ребенка, с возрастными периодами 18 лет, 19–22 года, 23–26 лет, 27 и старше (выбор возрастных диапазонов обусловлен возрастом опрашиваемых, а также важными в современном социальном циферблате периодами получения образования, хотя мы принимаем тезис о нелинейности нынешних социальных траекторий жизненного пути молодого поколения). Результаты представлены на рисунках 4 и 5.

Как мы видим, абсолютное большинство рассматривают варианты первого трудоустройства и отдельного проживания в период от 18 до 22 лет как наиболее предпочтительный. Завершение образовательной деятельности должно происходить по мнению большинства опрошенных, в период от 23 до 26 лет (40 %), далее по распространенности следует вариант 19–22 года (27,2 %). Для каждого четвертого возраст не имеет значения для завершения образовательной деятельности, что соответствует трендам непрерывного образования. Если рассматривать связь распределений ответов на данные вопросы с социально-демографическими показателями, то распределение ответов о трудоустройстве не имело статистически значимых взаимосвязей, в отличие от двух других: девушки чаще выбирали более ранние возрасты для отдельного проживания, при

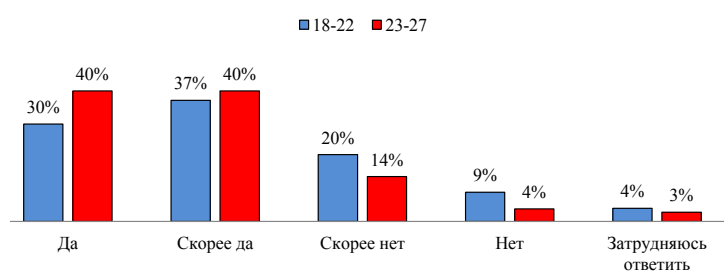

Рис. 3. Двумерное распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас четкие жизненные планы на будущее» по возрасту, %

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для...», %

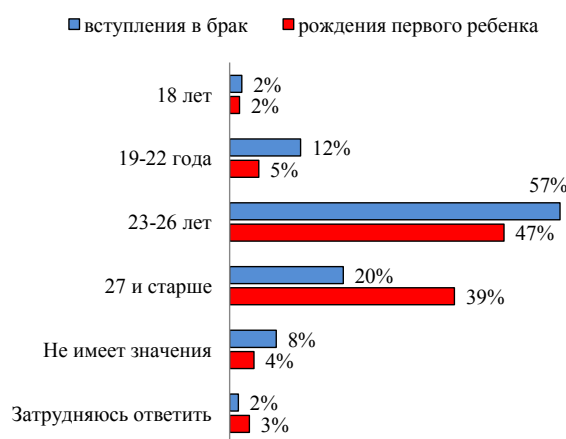

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для...», %

этом юноши чаще указывали на необходимость завершения образовательной деятельности в возрасте 19–22 лет (девушки значимо чаще выбрали вариант «не имеет значения»). На последний показатель также влияла переменная брачности: студенты в браке выбрали возраст 19–22 в 41,4 % случаев, в отношениях – в 29 %, не в браке и не в отношениях – лишь в 25,2 %, что говорит о влиянии данного фактора на жизненные и образовательные стратегии.

Из рисунка 5 следует, что ориентации студенческой молодежи в сфере нормативности иных проявлений взрослости – семейно-брачных отношений – сдвинуты в старшие возрасты, что соответствует объективным тенденциям, фиксируемым Росстатом. Это особенно актуально для идеально-типичного возраста для рождения первого ребенка.

Возраст 23–26 лет является для студенческой молодежи наиболее предпочтительным

для вступления в брак (56,7 %) и рождения первого ребенка (47,1 %), однако значительная часть респондентов (38,6 %) выбрала вариант «27 лет и старше». В ходе статанализа связей переменных было установлено, что вариант отложенного деторождения чаще выбирали респонденты мужского пола, с более высоким материальным статусом, не состоящие в браке, отношениях и неверующие. Так, среди верующих, неверующих и затруднившихся ответить, доля указавших в качестве подходящего возраста для брака 27 лет и старше составила 12,2, 27,1 и 23,3 % соответственно (рис. 6), что говорит о значении фактора религиозности на брачные установки.

Третий блок вопросов был направлен на соотношение личной позиции в континууме от 1 до 5 баллов, где 1 – *полюс взрослости*, а 5 – *невзрослости*. Девять дихотомий, представленные в сокращенном виде в правой части рисунка 7, были выделены на основе научных и обыденных концептуализаций взросления.

Из данной части опроса следует, что студенческая молодежь в наибольшей степени ориентиро-

вана на такие маркеры идеально-типичной модели взросления, как вступление в официальный брак, наличие четкой цели и принятие взвешенных, самостоятельных решений, получение образования, стабильной работы, саморазвитие. В меньшей степени для молодежи актуальна общественная активность (*гражданская активность, волонтерство, участие в общественных мероприятиях*), здесь чаще предпочтения отдаются *заботе о личном будущем, а не об обществе*. Интересен факт того, что распределение ответов на данный блок вопросов практически не имело статистически значимых взаимосвязей с социально-демографическими характеристиками, за исключением дихотомии «*общественная активность – забота о себе*». Данный маркер *невзрослости* чаще встречался у студентов младшего возраста, у неверующих, у студентов вне брака и отношений.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что несмотря на испытываемые тревоги по поводу взрослой жизни, студенческая молодежь имеет четкие цели и строит жизненные планы.

В идеально-типической модели взросления сепарация от родителей, получение образования, трудоустройство свидетельствуют о том, что взрослость не откладывается, в отличие от ситуации с семейно-брачными отношениями и приоритетом заботы о себе. Значимым результатом в плане разработки эффективных управленческих решений являются данные о зависимости модели взросления от пола, возраста, религиозности, брачности и направления обучения студентов.

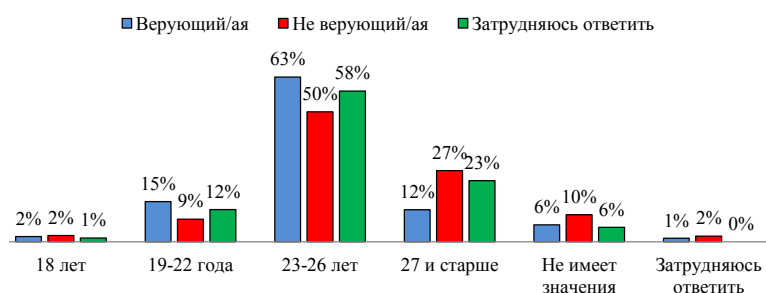

Рис. 6. Двумерное распределение ответов на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, возраст является подходящим для вступления в брак?» по религиозности, %

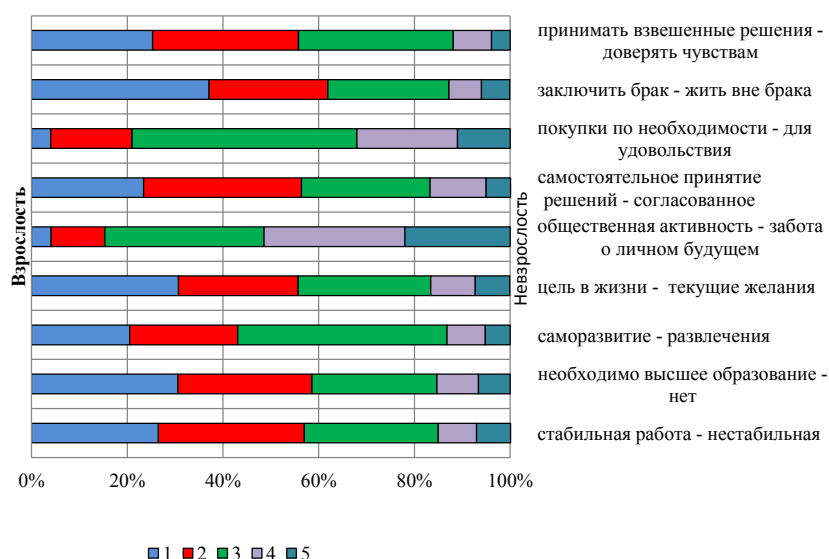

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Выберите из предложенных пар утверждений позицию, которая Вам ближе от 1 до 5», %

Литература:

1. Лобанова Н.И., Логунова Л.В. Феномен «отложенного взросления» в контексте системы обязательного общего образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 2. С. 122–129.
2. Ядова М.А. Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 1 (19). С. 8–17.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. № 3. С. 79–98.
4. Демиденко А.С. Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления // Caucasian Science Bridge. 2020. № 3(9). С. 62–70.
5. Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139.
6. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469–480.
7. Galanaki E., Sideridis G. Dimensions of Emerging Adulthood, Criteria for Adulthood, and Identity Development in Greek Studying Youth: A Person-Centered // Emerging Adulthood. 2019. Vol. 7. Iss. 6. P. 411–431.
8. Семья и дети в России. Специальный доклад общественной палаты РФ // Статистический сборник Росстата. М., 2024. С. 18–40.

Emerging Adulthood of Student Youth: Markers, Features, Assessments

Saveleva Zh.V.

Kazan (Volga Region) Federal University

Litvinova A.V.

Kazan National Research Technological University

In Russian society, the issues of delayed maturation of modern youth, which has various consequences, are becoming relevant at the scientific-theoretical and practical levels. In order to clarify the attitude to adulthood and identify the characteristics of markers of ideal-typical models of maturation, a study of student youth in Kazan was conducted using a questionnaire. The results of the work have scientific and practical value due to the possibility of using markers for the prevention of social infantilism. It was found that despite concerns about maturation, most of the surveyed students see adulthood as attractive; separation, education, employment are present in the students' responses as markers of adulthood, signs of delayed maturation are associated with family and marital characteristics and the priority of self-care.

Key words: adulthood, emerging adulthood, markers of maturation, student youth, mass survey

